

Вырезка из газеты

ОРЛОВСКАЯ ПРАВДА

г. Орел

6 НОЯ 1980

САМОЕ ЛУЧШЕЕ — НАРОДУ

К 150-летию со дня рождения Н. С. Лескова

ДЛИТЕЛЬНОЕ и сложное взаимодействие Лескова с его гениальным современником Л. Н. Толстым началось гораздо ранее, чем принято считать, то есть не с появления в 1869 году большой статьи нашего земляка о пятом томе «Войны и мира», а более чем за десять лет до того. Развернутые высказывания о деятельности издателя литературно-педагогического органа «Ясная Поляна», сочувственный отклик на его понимание интересов народного обучения, целей и путей дальнейшего народного развития нам посчастливилось недавно обнаружить в одной из ранних публицистических статей писателя-орловца.

Но, прежде чем рассказать об этой находке, следует напомнить, что тот «определенный идеал», общие черты которого Лесков усматривал под старость в творчестве Тургенева, Толстого и в своем собственном, открылся каждому из них задолго до того, как они узнали друг друга и даже друг о друге. 27 июля 1853 года Толстой отметил в дневнике: «Читал «Записки охотника» Тургенева, и как-то трудно писать после него». Всеобъемлющий характер этой великой книги о России и русских, небывалый дотоле «удельный вес» каждого рассказа или очерка, начиная с программного «Хора и Калиныча», очень остро и «единомысленно» с Толстым, причем вполне самостоятельно и примерно в то же самое время, почувствовал в свои молодые годы и Лесков: «Когда мне привелось впервые прочесть «Записки охотника» И. С. Тургенева, я весь задрожал от правды представлений и сразу понял: что называется искусством».

Такое глубокое и далеко не частое в истории литературы совпадение позволяет

говорить о том, что произведения не только Тургенева, но и его младшего современника Толстого, привлекавшие к себе сразу пытливого внимания всей читающей России, заставляли и Лескова не раз счастливо изумиться «правдой представлений». Этот давний интерес к каждой печатной строке «искреннейшего из всех русских писателей графа Льва Николаевича Толстого» с первых его шагов в литературе отчетливо дает о себе знать в известных словах о нем Лескова, относившихся к 1869 году: «Перед И. С. Тургеневым, как и перед всеми нами, в последний год вырос и возвысился до незнакомой нам доселе величины автор «Детства и отрочества», и он являет нам в своем последнем прославившем его сочинении, в «Войне и мире», не только громадный талант, ум и душу, но и (что в наш просвещенный век всего реже) большой, достойный почтения характер». Как видим, точкой отсчета в постижении толстовского гения для Лескова было «Детство» — самое первое печатное произведение «великого писателя земли русской», увидевшее свет в 1852 году. Именно с первой половины 1850-х, а не с конца 1860-х годов следует, вопреки установившемуся обыкновению, начинать познание духовного притяжения Лескова к Толстому, а затем уже и взаимодействия этих могучих и самобытных современников.

Одной из самых ранних точек соприкосновения между ними как раз и был обна-

руженный нами отклик на «новый журнал, который обещает познакомить нас с критическим взглядом крестьян на литературу». Задачи этого издания на основании его программы, опубликованной Толстым, Лесков поспешил изложить и прокомментировать в одном из внутренних обозрений, где были затронуты некоторые «новости по крестьянскому делу», а также с удовлетворением отмечен «отрадный взгляд крестьян на необходимость грамотности». Перейдя к вопросам народного обучения, Лесков напомнил, что после неважной отмены крепостного права тогда еще совсем недалеко ушло время, когда «наши стародумы помысливали главами, глядя на усилия молодежи открыть то там, то тут воскресную школу и обучить грамоте бедного крестьянина». Будучи и сам причастным к организации воскресных школ, он далее перешел от них к намерениям Толстого издавать литературно-педагогический журнал ради гласного обсуждения проблем просвещения народа.

«Вместе с тем, как сами крестьяне стали думать о средствах к обучению своих детей, люди, которые закладывали фундамент обучения современных нам безграмотных русских людей, не только не охладевают в своих благородных стремлениях, но расширяют круг своей деятельности до весьма замечательных пределов, достойных обратить на себя всеобщее внимание. Так, граф Л. Н. Толстой с

1-го октября 1861 года принимает издание нового журнала, целью которого, как видно из программы, будут интересы народного обучения. Журнал, издаваемый под редакцией графа Толстого в сельце Ясной Поляне, Тульской губернии, Крапивенского уезда, будет выходить ежемесячно двумя отдельными выпусками: «Школа Ясной Поляны» и «Книжка Ясной Поляны». «Школа» будет заключать в себе статьи педагогические, «Книжка» будет состоять из общепонятных статей для народа. В объявлении о своем издании граф Толстой указывает также на убеждения, которых держится редакция нового журнала. Для определения своего направления граф Толстой говорит, что «по нашему убеждению педагогика есть наука опытная, а не отвлеченная и что для народа, по выражению Песталоци, самое лучшее только как раз в пору». Приведа это замечательное выражение Песталоци, граф Толстой указывает на неудовлетворительность изданных до сих пор руководств для школ и говорит, что успех обучения, при неудовлетворительности руководств, основывается, главным образом, на духе организации школ, на том и неуловимом влиянии учителя, на тех отступлениях от руководств, на тех ежеминутно изменяемых в классе приемах, которые исчезают без следа, но которые и составляют сущность успешного учения. Уловить эти приемы (то есть неуловимые и исчезающие

без следа) и найти в них законы составит задачу школы и журнала. Кроме того, в объявлении графа Толстого обращает на себя внимание особый род критики для статей, которые будут помещаться в книжках «Ясной Поляны». Мы намерены, — говорит граф Толстой, — представлять на суд народа, собирающегося в нашей школе, все те книги, которые, по нашему крайнему разумению, ближе подходят к нему, и, не стесняясь ничем, печатать в отделе книжек «Ясной Поляны» только те статьи и книги, которые будут им одобрены. Итак, мы теперь накануне дня, когда появится печатная оценка, которую произнесут книге обучающиеся грамоте русские крестьяне».

Далее Лесков критически рассмотрел разные журнальные толки о народе и народности, о том, какие книги нужны для народа и как нужно «преображаться в народ», о том, наконец, что такое народ. «В 1812 году, когда русская земля вставала на свою защиту, кажется, всем было понятно, — писал наш земляк, — что именно следует разуместь под собирательным словом «русский народ»; но теперь это определение или забыто, или оно признается негодным. Теперь нельзя обойтись без вопроса: одни ли пахари народ или народ и те немногие помещики, которых прихотят благословлять освободленные крестьяне, и те честные профессора, которые родились в крестьянстве? Народ ли Шевченко, Коль-

цов, Никитин и другие живые и умершие русские люди — Мордвинов, Сперанский, Ломоносов? Если люди часть «народа», то отчего же все те книги, по которым они выучились и которые сами писали, не годятся для нынешнего народа? Если же и они не от народа, то кто же народ? Ведь это нужно же разъяснить, предпринимая издание книг для народа».

Ни одна из тогдашних точек зрения по этому ключевому вопросу русской жизни послереформенного периода полностью не удовлетворяла Лескова, покуда не появилось толстовское объявление об издании нового журнала. Здесь его собственный взгляд, уже достаточно определенный к тому времени, совпал с убеждениями старшего по возрасту и еще более независимого, чем он сам, современника: «По нашему мнению, граф Толстой очень удачно привел слова Песталоци, думавшего, что для народа самое лучшее только как раз в пору. Это же самое нам доводилось слышать от многих истинных друзей народа и, между прочим, от покойного Т. Г. Шевченко. Что именно из напечатанных по-русски книг самое лучшее — перечислять довольно долго и едва ли нужно, ибо мы позволяем себе думать, что теперь для безграмотного и малограмотного русского народа, только обучающегося разуместь книжные писания, самое лучшее — то, что может вести людей к сознанию своих обязанностей в отношении к самим себе и к своему ближнему, освобождая их в то же время от вековых пут, наложенных невежеством и предрассудками».

Дума о народе, о России, об их роли в судьбах всего человечества сделала Лескова достойным сподвижником, а позднее и соратником Льва Толстого.

В. ГРОМОВ.